

18+

**ИДЕАЛЬНОЕ
АЛИБИ
для
ИДЕАЛЬНОГО
УБИЙСТВА**

Глеб Северцев

Глеб Северцев

**Идеальное алиби для
идеального убийства**

«Издательские решения»

Северцев Г.

Идеальное алиби для идеального убийства / Г. Северцев —
«Издательские решения»,

Гениальный сыщик сталкивается с противником, у которого есть не просто алиби, а идеальное алиби — убийца находился под непрерывным наблюдением 24/7, но жертва всё равно мертва.

Содержание

Глава первая. Труп в «Стеклянной клетке»	6
Глава вторая. Детектив без веры в чудеса	11
Глава третья. Алиби на алмазном диске	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Идеальное алиби для идеального убийства

Глеб Северцев

© Глеб Северцев, 2026

ISBN 978-5-0070-5002-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Труп в «Стеклянной клетке»

Осенний ветер гнал по Рублёвскому шоссе ворохи мокрых листьев, словно пытаясь замести следы. Дождь начался ещё на рассвете и к полудню превратился в бесконечную, монотонную стену серой воды, за которой мир терял очертания. Патрульные машины перекрыли движение за полкилометра до посёлка, и теперь в воздухе стоял тот особый, вязкий гул, который бывает только на месте преступления высокого ранга.

Карета скорой помощи стояла с заглушённым двигателем. Врачи уже подписали протокол и теперь курили под козырём подъезда, перебрасываясь ничего не значащими фразами. Их работа здесь закончилась, едва успев начаться: констатация смерти, время, предположительная причина. Дальше — дело рук других людей.

Особняк Андрея Ветрова местные называли «Стеклянной клеткой». И действительно, архитектурное решение было провокационным: трёхэтажное здание из закалённого стекла и чёрного металла, расположенное на возвышении, просматривалось насквозь при свете дня. Внутри не было ни одной глухой стены, лишь перегородки из матового стекла на раздвижных механизмах. Архитектор задумывал это как символ абсолютной прозрачности — жизнь на виду, никаких секретов. Но Андрей Ветров, заказавший этот проект, вложил в него совершенно иной смысл: прозрачность для мира, но абсолютная недоступность для вторжения. Каждое стекло было бронированным. Каждая рама содержала датчики вибрации. Каждый квадратный метр территории находился под колпаком невидимых глазу сенсоров.

Система называлась «Цербер». Ветров лично утвердил это название — в честь мифического пса, охраняющего врата царства мёртвых. Ирония судьбы, как позже заметят многие, заключалась в том, что царство мёртвых пришло не снаружи, а изнутри.

Первым на месте происшествия оказался участковый Павел Громов — человек старой закалки, помнивший времена, когда «умные дома» были фантастикой. Он приехал через двенадцать минут после вызова, сделанного домоправительницей. Звали домоправительницу Вера Степановна, семьдесят один год, бывшая учительница математики, работавшая у Ветровых уже девять лет. Именно она обнаружила тело.

Громов прошёл по стеклянной галерее, оставляя мокрые следы на полу из полированного бетона. Внутри царил полумрак — охранная система автоматически затемнила стёкла при срабатывании сигнала тревоги. Пахло озоном, дорогим деревом и чем-то ещё, чему Громов не мог подобрать названия — возможно, особым запахом денег, которые не пахнут, но осязаются на уровне подсознания как нечто чужеродное.

Вера Степановна сидела в кухне-гостиной на первом этаже. Она не плакала. Лицо её было белым, как бумага, а руки, лежавшие на столе, мелко тряслись. Перед ней стояла чашка остывшего чая, которым она так и не пригубила.

— Рассказывайте, — Громов достал диктофон, хотя предпочитал старый добрый блокнот. Электроника вызвала у него настороженность.

— Я прихожу в семь утра, — голос Веры Степановны звучал ровно, почти механически. — Каждое утро я приношу Андрею Александровичу свежавыжатый сок и утреннюю рассылку. Так заведено. Стучусь. Молчание. Стучусь громче. Молчание.

Она замолчала, перевела дыхание.

— Дверь была заперта. Обычно он открывает сам, пока я жду в коридоре. Но тут... я попробовала ручку — закрыто. Позвонила по внутренней связи. Тишина. Тогда я спустилась к охраннику, Сергею, и попросила проверить камеры.

— И что показали камеры?

— Что дверь в спальню не открывалась с полуночи. И никто не входил. И не выходил.

Громов почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имевший отношения к сквозняку.

— Охранник вызвал полицию?

— Он хотел взломать дверь. Но я сказала, что нельзя трогать. В таких случаях, говорят, ничего нельзя трогать. Я смотрела сериалы. Там всегда говорят: ничего не трогайте до приезда полиции.

Ирония была в том, что сериалы не врут. Участковый Громов, осмотрев дверь, немедленно вызвал начальство. А начальство, оценив масштаб, вызвало уже не просто следователей, а лучших из возможных — федеральный уровень, потому что Андрей Ветров был не просто богатым человеком. Он был человеком, на котором завязаны нити трёх десятков благотворительных фондов, двух университетских лабораторий и как минимум одного стратегического предприятия. Смерть таких людей не бывает тихой.

К четырём часам дня особняк напоминал растревоженный улей. Следователи в белых бахилах ходили по стеклянным коридорам, оставляя за собой липкие следы фиксаторов и порошка. Криминалисты работали с дверью спальни, пытаясь извлечь максимум информации из электронного замка.

Старший следователь по особо важным делам Илья Ковалёв — грузный мужчина лет пятидесяти с лицом уставшего бульдога — стоял перед дверью и смотрел на неё так, словно она была личным оскорблением. Он уже тридцать лет в профессии, прошёл бандитские девяностые, чеченские командировки, серийных маньяков и заказные убийства высокопоставленных чиновников. Но такого он не видел никогда.

— Шприц? — спросил он у криминалиста, колдовавшего над трупом.

— Обычный инсулиновый шприц, одноразовый. Токсин — что-то синтетическое, на быстрый анализ не поддаётся. Отправили в лабораторию, будет готово через двое суток.

— А то, что он в шее? — Ковалёв сдвинул брови. — Как он вообще оказался в шее, если человек спал?

Криминалист — молодой парень с умными глазами — пожал плечами.

— Теоретически, если жертва находится в глубокой фазе сна, инъекция может не разбудить. Но нужна абсолютная бесшумность и точность. И знание анатомии.

Ковалёв перевёл взгляд на тело. Андрей Ветров лежал на кровати с закрытыми глазами. Поза — неестественно спокойная, руки вдоль тела, одеяло натянуто до подбородка. Словно его уложил кто-то заботливый. Словно смерть была не насилием, а частью ритуала.

— Кто нашёл?

— Домоправительница. И охранник, который смотрел камеры.

— Камеры. — Ковалёв хмыкнул. — Что там с камерами?

— Система «Цербер». — В дверях появился эксперт по безопасности, молодой человек в очках с толстыми стёклами, представившийся как Алексей. — Разработана под заказ. Включает: сто двадцать четыре камеры внутреннего и наружного наблюдения, включая тепловизионные; триста датчиков движения на всех этажах; систему распознавания лиц с точностью 99,97 процента; биометрические замки на каждой внутренней двери; датчики открытия окон и дверей; датчики разбития стекла; датчики изменения атмосферного давления; датчики...

— Хватит, — перебил Ковалёв. — Говори главное. Мог ли кто-нибудь проникнуть?

— Технически — нет. «Цербер» не оставляет слепых зон. Даже мышь не пробежит незамеченной.

— А кто имеет доступ к управлению?

— Сам Андрей Александрович. И его доверенное лицо — второй ключ у адвоката, в сейфе, опечатан. Использовать его можно только в присутствии нотариуса и при задокументированной недееспособности владельца.

— То есть, кроме самого Ветрова, никто не мог отключить систему?

— Физически — нет. Программно — тоже нет. Управление происходит с единственного терминала в кабинете, который защищён многофакторной аутентификацией: пароль, отпечаток пальца, сетчатка глаза.

Ковалёв посмотрел на дверь спальни, потом на тело, потом снова на дверь.

— И как тогда убийца вышел?

— Никак, — развёл руками Алексей. — Если только он не использовал неизвестный науке метод телепортации.

Ковалёв выругался сквозь зубы. Он не любил загадок. Загадки означали либо его собственную тупость, либо наличие того, чего он не понимает. А он не понимал компьютерную безопасность, хитроумные замки и синтетические токсины. В его время убивали просто: пуля, нож, иногда — отравление мышьяком. Всё было понятно и прозрачно, как этот чёртов стеклянный дом.

— Вызовите Соболева, — сказал он наконец.

Эксперт переглянулся с криминалистом.

— Марка Соболева? Того самого?

— Того самого. Если кто и разберётся с этим цирком, то только он.

Марк Соболев не любил особняки. Особняки пахли деньгами, а деньги пахли ложью. Он усвоил это правило двадцать лет назад, когда начинал в убойном отделе маленького городка, где самый богатый человек считался тем, у кого две машины и дача. Тогда ложь была топорной, примитивной, как каменный топор. Теперь она стала высокотехнологичной, изящной и оттого более опасной.

Он подъехал к особняку на старой, выдавшей видах машине, которая выделялась среди служебных внедорожников и чёрных тонированных седанов так же, как бродячая собака выделяется на выставке породистых псов. Охранник на КПП сверил фамилию с планшетом, что-то пробубнил в рацию и открыл ворота.

Марк вышел из машины, подставив лицо дождю. Он любил дождь. Дождь смывает следы, но иногда — и это было важнее — дождь заставляет людей ошибаться. Под дождём они торопятся, забывают детали, срезают углы. Истина любит сырость, говорил он себе. Возможно, это было первое и единственное его поэтическое качество.

Он был невысок, коренаст, с лицом, которое трудно было назвать запоминающимся. Серые глаза, короткий ёжик тёмных волос с обильной проседью, жёсткая складка у рта. Одет во всё чёрное, но не из эстетических соображений — просто чёрное не пачкается и не требует глажки. Его походка была бесшумной, что для его комплекции казалось странным. Но Марк давно усвоил: шум отвлекает, а детектив не имеет права отвлекать сам себя.

Внутри его встретил Ковалёв — старый знакомый по нескольким совместным делам. Они не дружили, но уважали друг друга. Ковалёв — за профессионализм, Марк — за нюх. Это был тот редкий случай, когда «нюх» не был метафорой. Марк Соболев действительно чувствовал ложь на расстоянии. Не носом — мозгом, периферийным зрением, микродвижениями мышц собеседника, тембром голоса, сотней мельчайших деталей, которые другие не замечали.

— Показывай, — сказал он без предисловий.

Ковалёв провёл его по маршруту: галерея, лестница, коридор второго этажа, дверь спальни. По пути он кратко излагал факты: время смерти установлено с точностью до десяти минут — между часом и двадцатью минутами третьего ночи, яд синтетический, аналогов в российской базе нет, дверь заперта изнутри, камеры чисты, датчики молчат.

Марк не задавал вопросов. Он впитывал.

В спальню он вошёл один — Ковалёв остался в коридоре, зная привычку Соболева работать в тишине. Марк медленно обошёл комнату. Кровать размером под стать футбольному

полю. Тумбочки из чёрного дерева. Настольная лампа с тканевым абажуром. Картина на стене — абстракция, синие и зелёные пятна. Книжный шкаф, забитый в основном бизнес-литературой и несколькими томиками классики — явно для вида. Телевизор на противоположной стене, выключенный. Шкаф-купе с зеркальными дверцами.

И тело.

Марк наклонился над Андреем Ветровым. Рассмотрел шприц — тот самый, инсулиновый, игла всё ещё торчала из шеи. Посмотрел на лицо: никаких признаков агонии, никакого страха. Человек умер во сне. Или его убили так искусно, что он не успел проснуться.

— Что думаешь? — спросил Ковалёв из коридора.

— Думаю, что убийца либо гений, либо дурак, — ответил Марк, не оборачиваясь. — Гений — потому что проверить такое в системе «Цербер» — это уровень, близкий к божественному. Дурак — потому что, если он настолько умен, зачем ему убивать? Умные люди убивают только тогда, когда им это выгодно. А выгода всегда ведёт к мотиву.

— Мотив — это твоя епархия. Моя — найти того, кто вошёл.

— А если никто не входил?

Ковалёв помолчал.

— Ты веришь в самоубийство? Богатый филантроп, окружённый заботой, вколол себе яд в шею и лёг спать?

— Нет, — Марк наконец повернулся. — Я не верю в самоубийство. Но я хочу поговорить с теми, кто был в доме этой ночью.

— С домоправительницей? Она живёт здесь, в отдельном крыле.

— И с ней тоже. Но в первую очередь — с вдовой.

Ковалёв криво усмехнулся.

— С Лидией Ветровой. С ней отдельная песня. Она в малой гостиной. Ждёт тебя.

Малая гостиная находилась на первом этаже, в западном крыле особняка. Это было более уютное помещение, чем остальные: мягкая мебель кремового цвета, камин (настоящий, дровяной), низкий столик из массива дуба, на стенах — акварели с видами Санкт-Петербурга. Здесь пахло сушёными травами и кофе.

Лидия Ветрова сидела в кресле у окна. Когда Марк вошёл, она не поднялась, даже не повернула головы. Смотрела на дождь, который барабанил по стеклопакетам, размывая очертания сосен за забором.

Марк сел напротив. Молча. Он никогда не начинал разговор первым. Пусть собеседник почувствует неловкость от паузы, пусть заговорит, пусть выдаст себя. Но Лидия Ветрова, казалось, не чувствовала неловкости вовсе. Она выдержала паузу ровно на сорок секунд — Марк считал про себя — и только после этого повернулась.

Она была красива той красотой, которую невозможно описать словами — потому что слова делает её плоской. Невысокая, стройная, с тёмными волосами, собранными в низкий пучок, и глазами цвета мокрого асфальта. Ей можно было дать и тридцать, и сорок — возраст прятался где-то между ухоженностью и врождённой аристократичностью черт. На ней был тёмно-серый свитер крупной вязки и чёрные брюки. Никакой косметики, никаких украшений, кроме обручального кольца — тонкого платинового ободка без камней.

— Вы Марк Соболев, — сказала она. Голос был низким, с лёгкой хрипотцой. — Знаменитый детектив. Тот самый, который раскрыл дело об убийстве банкира Куропаткина.

— Тот самый, — кивнул Марк. Не спросил, откуда она его знает. Вдова миллиардера имеет доступ к любой информации.

— Я наняла вас. — Она достала из кармана свитера чековую книжку, быстро написала что-то и протянула ему листок. — Это аванс. Полмиллиона долларов. Если дело будет раскрыто — ещё столько же.

Марк взял чек, взглянул на него, положил на столик. Не потому, что не нуждался в деньгах — нуждался, и сильно. А потому что слишком большие деньги в начале дела пахнут не благодарностью, а страхом.

— Вы уверены, что хотите нанимать именно меня, а не полицию? — спросил он. — Полиция уже здесь, и у них хорошие специалисты.

— Полиция будет искать убийцу так, как их научили. По шаблону. По инструкции. — Она чуть наклонила голову, и свет от камина упал на её лицо, высветив резкие скулы. — А мне нужен тот, кто мыслит нестандартно. Потому что убийство, которое произошло здесь, нестандартно.

— Вы кого-то подозреваете?

— Кирилла. Моего пасынка.

Марк выдержал паузу дольше обычного. Семь секунд. Потом спросил:

— Почему вы так думаете?

Лидия вздохнула. В этом вздохе не было горя — была усталость. Усталость женщины, которая слишком долго носила в себе правду, которую боялась высказать вслух.

— Андрей не любил его. Я не знаю, почему. Возможно, потому что Кирилл был похож на свою мать. А мать его была... сложной женщиной. Она умерла, когда Кириллу было десять. Андрей никогда мне не рассказывал подробностей. Но я знаю одно: Кирилл ненавидел отца. И отец боялся Кирилла.

— Боялся?

— Он изменил завещание за месяц до смерти. Лишил Кирилла наследства. Всё переписал на меня и на благотворительные фонды. Кирилл должен был получить символическую сумму — миллион рублей. Для него это оскорбление.

Марк представил себе молодого человека, который узнаёт, что его лишили миллиардов в пользу мачехи. Представил, что может чувствовать такой человек. Желание убить? Возможно. Но желание и действие — разные вещи.

— У Кирилла есть алиби? — спросил он.

— Идеальное, — ответила Лидия. — Он находился на соревнованиях. Киберспортивных. В другом городе. Тысячи свидетелей. Трансляции в интернете. Системы слежения. Его чемпионат показывали по нескольким каналам.

Она помолчала.

— Именно поэтому я звоню вам, господин Соболев. Убийца — он. Но доказать это невозможно. Потому что у него идеальное алиби.

Она произнесла эти слова с такой холодной уверенностью, что Марк на мгновение усомнился — а не сама ли она стоит за этим убийством? Но профессиональная привычка взяла верх: никогда не делай выводов при первой встрече. Собирай факты. Много фактов. А потом ещё больше.

— Я возьмусь за это дело, — сказал он. — Но на моих условиях.

— Называйте.

— Я работаю один. Полиции я не мешаю, но и они не мешают мне. Если между нами возникнет конфликт интересов — я ухожу. Деньги не возвращаю.

— Приемлемо.

— И последнее. — Марк посмотрел ей прямо в глаза. — Если вы врётё мне хотя бы в одной мелочи, я это выясню. И тогда я перестану работать на вас. Я начну работать против вас.

Лидия Ветрова улыбнулась. Это была не улыбка женщины, которую шантажируют. Это была улыбка женщины, которая слышит правила игры и принимает их.

— Договорились, господин Соболев. Ловите убийцу.

Глава вторая. Детектив без веры в чудеса

Марк Соболев родился в городе, которого больше нет на карте. Не в прямом смысле — географически он сохранился, но духовно, социально, человечески исчез. Это был шахтёрский городок на Урале с населением в сорок тысяч человек, половина из которых работала на градообразующем предприятии, а вторая половина пила. Отец Марка работал на шахте, пока его не засыпало в забое. Марку тогда было семь лет, и главным воспоминанием об отце остался запах — смесь угольной пыли, махорки и дешёвого одеколона.

Мать не выдержала. Она выпила первую рюмку на поминках, а последнюю — через два года, когда её нашли в съёмной комнате с пробитой головой. Следствие установило: несчастный случай, поскользнулась на мокром полу. Марк, которому тогда было девять, не поверил. Он не мог объяснить, почему не верит, но внутри него сидела уверенность: мать убили. Деньги, которые отец копил на её новую шубу, исчезли. Соседка, заходившая «проведать», купила себе новую дублёнку через неделю. Марк не мог доказать связь, но он её чувствовал. Как чувствуют запах дыма за секунду до того, как пламя вырывается из окна.

Эти чувства — он называл их «проводкой» — спасали ему жизнь не раз. И портили её постоянно. Потому что жить, чувствуя фальшь в каждом втором слове собеседника, — это проклятие, а не дар.

В шестнадцать он сбежал из города. В восемнадцать поступил в юридическую академию в Санкт-Петербурге. В двадцать два — следственный комитет. В тридцать — майор, начальник отдела по раскрытию убийств, совершённых в особо крупном размере. В тридцать пять — отставка. Не увольнение — именно отставка. Потому что он раскрыл дело, которое ему велено было закрыть. Вернее, раскрыл не то дело. Он раскрыл убийство матери чиновника, а нужно было раскрыть убийство другого чиновника, которое совершил этот самый чиновник. Марк не вписался в систему. Система выплюнула его, как инородное тело.

В тридцать семь он открыл частное детективное агентство. Небольшое. Скромное. Одна комната в бизнес-центре на окраине, секретарша пенсионного возраста, которая пила чай с бергамотом и называла всех клиентов «голубчиками». За два года он раскрыл семь дел, о которых писали газеты, и двадцать три, о которых никто не узнал. Потому что некоторые тайны лучше держать при себе — за это платят отдельно.

Сейчас, сидя в своей полупустой квартире на севере Москвы, Марк перебирал материалы по делу Ветрова, которые успел собрать за два дня после разговора с Лидией. Квартира была под стать хозяину: аскетичная, функциональная, почти безличная. Стены выкрашены в нейтральный серый цвет. Мебель — необходимая и ничего лишнего. Книги — только профессиональные: уголовный кодекс с пометками, несколько томов по криминалистике, психология лжи, пособия по поведенческому анализу. Ни картин, ни фотографий, ни сувениров. Идеальное убежище для человека, чья работа — прятаться в чужих тайнах.

Перед ним лежала папка с распечатками. Толстая, как телефонный справочник. Здесь были: биография Андрея Ветрова на тридцати страницах, финансовые отчёты его компаний, выписки из реестров акционеров, копии завещания, данные о системе безопасности «Цербер», список сотрудников особняка с фотографиями и краткими характеристиками, а также досье на всех родственников и ближайших партнёров.

Марк начал с самого начала. Изучал не спеша, въедливо, как изучают чертёж перед тем, как закладывать фундамент. Он уже знал: в этом доме нет ничего случайного. Каждая деталь — либо ключ к разгадке, либо ложный след. И то, и другое одинаково важно.

Андрей Александрович Ветров родился в 1970 году в Ленинграде в семье инженеров. Отец — главный конструктор одного из оборонных заводов, мать — преподавательница физики в университете. Интеллигенция, полуголодное детство в девяностые, но при этом мозги — сумасшедшие, талантливые, способные перемолоть любую информацию.

В 1993 году Ветров вместе с двумя однокурсниками основал компанию, занимавшуюся программным обеспечением для промышленных предприятий. К 2000 году он выкупил доли партнёров и стал единоличным владельцем. К 2010 году — миллиардером, владельцем холдинга из двенадцати компаний в сфере IT, биотехнологий и финансов.

Но настоящая слава пришла к нему не с деньгами. Слава пришла с благотворительностью. Ветров основал фонд помощи детям с онкологическими заболеваниями. Потом фонд поддержки молодых учёных. Потом фонд восстановления исторических памятников. О нём писали как о новом русском меценате, сочетающем капиталистическую хватку с христианским милосердием. Его приглашали на совещания к президенту. Его называли совестью российского бизнеса.

Марк не верил в совесть российского бизнеса. Он верил в репутацию — товар, который можно купить, продать или подделать. В случае Ветрова репутация была безупречной. Слишком безупречной для человека, который разорил двух партнёров по бизнесу, оставив их с долгами и проблемами с законом. Марк нашёл эти эпизоды в архивах газет двадцатилетней давности — мелкие заметки на четвёртых полосах, которые легко пропустить, если не ищешь грязь.

— Никто не становится миллиардером, играя по правилам, — пробормотал Марк, делая пометку в блокноте.

Блокнот был его единственной уступкой современности. Никаких планшетов, никаких приложений для заметок. Только бумага, ручка и его собственный, до сих пор не подведший, память.

Особое внимание Марк уделил личной жизни Ветрова.

Первая жена — Ирина Ветрова (в девичестве Ковалёва). Познакомились в конце девяностых, когда Ветров уже поднимался, но ещё не взлетел. Ирина работала менеджером в рекламном агентстве, была красива, амбициозна и, как писали в жёлтой прессе, «обладала острым языком и ещё более острыми локтями». За десять лет брака родила сына Кирилла. В 2008 году развелись. Причина развода в официальных документах значилась как «разногласия во взглядах на воспитание ребёнка». Неофициальная версия, которую Марк нашёл в одном из интервью бывшей коллеги Ирины, звучала иначе: Ветров застал жену с любовником в собственном загородном доме. Любовник, к слову, был его водителем.

Ирина получила при разводе приличную сумму — около двадцати миллионов долларов — и уехала во Францию, где через три года вышла замуж за винодела из Бордо. В 2015 году она умерла. Рак груди, стремительный, агрессивный, не оставивший шансов.

Кирилл к тому времени учился в Лондоне, в школе-пансионе, которую оплачивал отец. После смерти матери он вернулся в Россию. Отношения с отцом, по всем свидетельствам, были сложными, но внешне приличными. Кирилл закончил МГУ, факультет вычислительной математики и кибернетики — видимо, отец настоял на техническом образовании. Не работал. Жил на деньги отца. Увлекался компьютерными играми, сначала как хобби, потом профессионально.

Вторая жена — Лидия Ветрова. С ней история была более тёмной и, следовательно, более интересной для Марка.

Лидия Сергеевна Троицкая родилась в 1985 году в Саратове, в семье военного врача и учительницы начальных классов. Окончила Саратовский государственный университет, химический факультет. После университета переехала в Москву, работала в лаборатории при институте органической химии. Затем — неожиданный поворот: закрыла лабораторию, ушла в биз-

нес. Открыла небольшую компанию по производству косметики на натуральных компонентах. Бизнес не взлетел, но в процессе Лидия познакомилась с Андреем Ветровым, который искал поставщика натуральных масел для своей сети аптек.

Они поженились в 2017 году. Разница в возрасте — пятнадцать лет — никого не смущала. Лидия выглядела счастливой, Ветров — тоже. По крайней мере, на фотографиях. Марк отлично знал, как умеют врать фотографии.

Вечером второго дня Марк встретился с информатором. Точнее, информатор нашёл его сам — написал сообщение на старый адрес электронной почты, который Марк использовал для конфиденциальных контактов. Звали информатора Антон Никитин, бывший сотрудник службы безопасности Ветрова, уволенный по сокращению штата год назад.

Встретились на нейтральной территории — в закусочной на окраине города, где пахло жареным луком и кофе из автомата. Никитин оказался худым нервным мужчиной лет сорока с бегающими глазами и привычкой постоянно поправлять очки. Он пришёл в дешёвом тёмном плаще и сел за столик так, чтобы находиться лицом к выходу.

— Спасибо, что согласились, — заговорил он вполголоса. — Я не хотел впутываться. Но когда услышал, что вы ведёте дело... Решил, что обязан сказать.

— Говорите, — Марк заказал себе чёрный кофе, Никитину — чай, которого тот даже не коснулся.

— Система «Цербер» была моей разработкой. Ну, не полностью моей — я был в команде. Но ключевой алгоритм — распознавание лиц с учётом мимических изменений — это мой.

— И что с ним не так?

— Всё с ним так. Именно поэтому я понял, что убийство — внутреннее. Не мог чужой проникнуть. «Цербер» слишком умён. Но он не учитывает одну вещь.

— Какую?

Никитин оглянулся. В закусочной никого не было, кроме сонной официантки и двух мужчин в углу, которые обсуждали футбол.

— Человеческий фактор, — сказал он почти шёпотом. — Система может быть защищена от взлома. Но она не защищена от тех, кто её устанавливал. Я знаю как минимум три лазейки. Одна из них — калибровка датчиков движения. Если знать, в какой момент датчик перезагружается... у тебя есть пять секунд, чтобы пройти. Пять секунд, когда «Цербер» слеп.

— И кто знал об этих лазейках?

— Вся команда. А их было пятнадцать человек. Плюс техподдержка — ещё десять. Плюс сам Ветров, потому что мы докладывали ему об уязвимостях. И ещё... — Никитин замаялся. — И ещё Кирилл.

Марк медленно поставил чашку на стол.

— Кирилл знал?

— Он увлекается программированием. Уровень — профессиональный. Он играл с системой, когда приезжал в особняк. Ветров его не ограничивал. Даже наоборот — говорил, что пусть сын учится. Я сам видел, как Кирилл ковырялся в настройках «Цербера». Не знаю, что он нашёл, но...

— Но вы подозреваете, что он мог найти нечто большее, чем вы предполагаете?

— Я не подозреваю. Я знаю, — голос Никитина дрогнул. — Он нашёл главную уязвимость. Ту, о которой я никому не говорил. Даже Ветрову.

Никитин рассказал о секретном модуле доступа, который встроил в «Цербера» на случай, если система выйдет из-под контроля. Резервный ключ, активируемый специальным устройством в радиусе десяти метров от сервера. Устройство было единственным — маленькая флешка, которую Никитин хранил в сейфе в своём загородном доме.

Или хранил. Потому что шесть месяцев назад дом обокрали. Пропали деньги и техника. Никитин написал заявление в полицию, но дело закрыли. Флешка исчезла вместе с ноутбуком. Он не придал этому значения — мало ли, обычные грабители. Только после убийства Ветрова он пересмотрел записи с камер домофона накануне кражи.

— Я увеличил изображение, — его голос сорвался на шёпот, едва различимый за гудением кофемашины. — Грабитель был в капюшоне и перчатках. Но я узнал походку. И марку кроссовок. Лимитированная серия, выпущенная для киберспортсменов. В России таких кроссовок — двести пар.

— Кирилл Ветров?

— Кирилл Ветров, — кивнул Никитин. — Или кто-то, кто очень точно под него косит.

Марк допил кофе и положил на стол стодолларовую купюру — намного больше, чем стоила скромная выпивка и чай. Официантка удивлённо подняла бровь, но промолчала.

— Спасибо за информацию, — сказал Марк. — Но, если вы кому-нибудь расскажете о нашем разговоре, я сделаю так, что ваша жизнь превратится в ад. Это не угроза. Это информация к размышлению.

Никитин кивнул, поблуднев ещё больше. Марк вышел на улицу, вдохнул холодный осенний воздух и подумал: «Убийца — либо Кирилл, либо кто-то, кто хочет, чтобы я думал, что убийца — Кирилл».

В его работе разница между этими двумя вариантами была невелика. И тот, и другой требовали доказательств. А доказательств пока не было. Были только намёки, догадки, показания нервного программиста и уверенность вдовы, которая могла быть искренней, а могла быть лучшей актрисой в мире.

Марк любил такие дела. Они требовали не просто ума, а терпения. Терпения выжидать, собирать крохи информации, складывать их в мозаику, которая в нужный момент сложится в картину, которую никто не ожидал увидеть.

Он сел в машину и поехал домой. Завтра предстоял долгий разговор с Кириллом — главным подозреваемым, которого ему предстояло оправдать или обвинить. И от того, как пройдет этот разговор, зависело всё.

Глава третья. Алиби на алмазном диске

Кирилл Ветров жил в Москве, но не в отцовском особняке, а в отдельной квартире в центре города — подарок отца на совершеннолетие, оценённый тогда в два миллиона долларов, сейчас — в три с половиной. Квартира находилась в сталинском доме на Тверской, с высокими потолками, лепниной и видами на кипящую внизу городскую жизнь. Внутреннее убранство Марк себе представлял плохо — он никогда не был в гостях у людей, чей доход превышал его собственный в тысячу раз. То, что он увидел, превзошло ожидания.

Квартира оказалась почти пустой. Не в смысле отсутствия мебели — мебели было много, но она была какой-то... нежилой. Дизайнерский ремонт, на который ушло, наверное, несколько миллионов, всё эти итальянские обои, французский паркет, немецкая сантехника — всё это не грело, не создавало уюта. Создавалось впечатление, что здесь никто не живёт, а только иногда ночует. Холодильник — пустой, кроме двух банок энергетика и упаковки замороженных пельменей. На стенах — ни одной фотографии, только плакаты с персонажами компьютерных игр в рамках. На журнальном столике — три монитора, клавиатура с подсветкой, профессиональное игровое кресло, которое стоило как подержанный автомобиль.

Сам Кирилл встретил детектива в спортивных штанах и растянутой футболке с логотипом команды, в которой он, судя по всему, играл. На вид — двадцать восемь лет, но выглядел моложе из-за отсутствия растительности на лице и той особенной припухлости вокруг глаз, которая бывает у людей, проводящих за монитором по шестнадцать часов в сутки. Светлые волосы, не первой свежести, падали на лоб. Он был высок, худ, сутул и не производил впечатления опасного человека.

— Вы детектив? — спросил он, открывая дверь. Голос — равнодушный, даже скучающий. — Заходите, я всё равно в очереди на пересборку. Пятнадцать минут есть.

Марк вошёл, сел в кресло напротив игрового места Кирилла, положил на колени старый кожаный портфель, с которым не расставался уже лет пятнадцать.

— Вы знаете, зачем я здесь, — сказал он без предисловий.

— Знаю. — Кирилл откинулся в кресле, сложил руки на затылке. — Мой папаша мёртв. Мачеха наняла вас, чтобы повесить убийство на меня. Классика.

— Вы не удивлены?

— А чему удивляться? Лидия меня ненавидит. Я мешаю ей получить всё наследство. Андрей был болен, но не настолько, чтобы умереть своей смертью. Кому выгодно? Ей. Но она умнее, чем кажется. Она понимает, что полицейские идиоты. Поэтому она подстраховалась и наняла лучшего.

В голосе Кирилла не было злости. Была усталость. Усталость человека, который привык, что его считают виноватым по умолчанию.

— У вас есть алиби, — сказал Марк. — Идеальное алиби, как выразилась ваша мачеха.

— Моя мачеха выразилась точно. — Кирилл достал из кармана телефон, набрал что-то и повернул экран к Марку. — Смотрите. Чемпионат «Битва Экстрасенсов». Ежегодный турнир по игре «Кибер-Стрелок». Трансляция на пятьдесят стран. Шестьсот зрителей в зале. Двадцать четыре камеры, снимающие крупным планом. Прямой эфир с задержкой в две секунды — чтобы модераторы успевали вырезать мат. И это.

Он закатал рукав футболки. На запястье — пластиковый браслет с мигающим зелёным светодиодом.

— Чип мониторинга от страховой компании, — пояснил Кирилл. — Пульс, давление, геолокация, факт сна и бодрствования. Стоит десять тысяч долларов в месяц, зато если я

загнусь во время турнира от сердечного приступа, команда получит пять миллионов страховки. Иронично, да?

Марк взял его руку, повернул. Браслет был опломбирован. Снять без повреждения пломбы невозможно.

— И что показал чип в ночь убийства?

— Показал, что я сидел на месте. Пульс — в пределах нормы для игрока в финале. Геолокация — спортивный комплекс «Олимпийский», именно то кресло, в котором я сидел. Время — без десяти два ночи до полчетвёртого утра, без перерыва.

— А до этого?

— До этого я был в гостинице. Один. Спал. Проснулся в одиннадцать утра, позавтракал, поехал на турнир. Всё по расписанию.

Марк отпустил его руку.

— И вы хотите сказать, что при таких доказательствах вы не могли совершить убийство?

— Я не хочу сказать. Я утверждаю. Физически не мог. Я находился в трёхстах километрах от отцовского дома. Меня видели шестьсот человек в зале и ещё несколько миллионов онлайн. Вы — детектив. Вы должны понимать разницу между возможностью и невозможностью.

— Понимаю, — кивнул Марк. — Я также понимаю, что невозможное иногда становится возможным, если достаточно хорошо подумать.

Марк попросил показать запись турнира. Кирилл вздохнул, повернулся к монитору, открыл архив трансляции и прокрутил на нужное время. На экране — разделённый на две части: игровой процесс и лицо Кирилла в углу экрана. Крупно, хорошее разрешение. Видно каждое движение губ, каждое моргание.

Марк смотрел. Он не понимал игру — для него это была мешанина ярких цветов, взрывов и бегающих человечков. Его интересовало другое: мимика Кирилла, его движения, реакция на происходящее.

— Это финал, — комментировал Кирилл, пока Марк смотрел. — Я играю против корейца. Самый сложный матч в моей карьере. Мы сравняли счёт, идёт решающая партия. Здесь каждый мой ход может стать последним.

— Вы сосредоточены, — заметил Марк.

— Абсолютно.

На записи Кирилл сидел с каменным лицом, только глаза бегали по экрану. Иногда он что-то шептал — видимо, координируя действия с командой по гарнитуре. Иногда резко дёргал мышкой. Иногда откидывался на спинку кресла и выдыхал.

— Прокрутите назад, — попросил Марк. — За пятнадцать минут до окончания матча.

— Зачем?

— Прокрутите.

Кирилл пожал плечами, перемотал. Марк приблизил лицо на экране, наклонился к монитору, замер. Кирилл смотрел на экран. Вокруг него толпа — фотографы, комментаторы, болельщики с плакатами. Он неотрывно следил за игрой.

Но его губы двигались странно.

Не так, как когда он разговаривал с командой. Там была обычная артикуляция — короткие, рубленые фразы, понятные по губам даже без звука: «влево», «прикрой», «бегу». А здесь — другое. Губы сжимались и разжимались в определённом ритме. Паузы между движениями — одинаковые, как метроном.

— Что вы делаете губами за пятнадцать минут до конца игры? — спросил Марк, не отрываясь от экрана.

— Не понял.

— Вы шевелите губами. Вот здесь, — Марк ткнул пальцем в монитор. — И здесь. И здесь. Это не похоже на разговор с командой. Вы что-то шепчете. Или... считаете.

Кирилл напрягся. Марк заметил это — лёгкое напряжение мышц шеи, чуть расширившиеся зрачки. «Проводка», о которой он думал раньше, сработала.

— Я ничего не считал, — сказал Кирилл слишком быстро. — Наверное, напевал мелодию.

— Какую?

— Не помню. Какое это имеет значение?

Марк выключил монитор и повернулся к Кириллу в упор.

— Имеет. Потому что человек, который играет в динамичный шутер, не считает что-то в уме. Считают шахматисты, когда просчитывают комбинации на много ходов вперёд. Считают пилоты, когда заходят на посадку. Считают снайперы, когда берут поправку на ветер. А игрок в шутер действует на рефлексх. Ему некогда считать.

— Вы ничего не понимаете в киберспорте, — Кирилл попытался взять себя в руки, но голос дрогнул. — Есть стратегии. Есть тайминги. Иногда нужно отсчитывать время до респауна соперника.

— Тайминги? — переспросил Марк. — И вы отсчитываете их губами, не используя внутриигровой таймер, который есть у каждого игрока?

Повисла тишина. В квартире было слышно, как шумит вентиляция в системном блоке.

— Хорошо, — сказал наконец Кирилл. — Я не напевал мелодию. Я считал вслух. Но это не имеет отношения к убийству.

— Тогда что вы считали?

Кирилл посмотрел на свои руки, потом на Марка. Что-то в его взгляде изменилось — исчезла напускная небрежность, появилась растерянность.

— Я считал шаги, — выдохнул он. — От выхода из подземного паркинга до чёрного входа в особняк. Триста семьдесят два шага. Я репетировал маршрут.

Марк замер.

— Зачем вам репетировать маршрут?

— Потому что я планировал убить своего отца, — сказал Кирилл. — Но не сделал этого. Клянусь, не сделал. Но я готовился. Я хотел. Я представлял, как это будет. И когда начался турнир, я... я не мог отделаться от этого. Я сидел в кресле, играл в игру, а в голове прокручивал другой сценарий. Тот, по которому я иду тёмными коридорами, поднимаюсь на лифте для персонала, отключаю камеры в слепой зоне...

— Откуда вы знаете про слепые зоны?

— Я изучал «Цербер». Отец разрешил мне копаться в настройках. Говорил, что это полезно для образования. Я нашёл уязвимости. Пять штук. Три из них я мог использовать, чтобы войти и выйти незамеченным.

— И вы не использовали?

— Нет.

— Почему?

Кирилл закрыл лицо руками. Марк ждал.

— Потому что, когда дело дошло до реальности, я струсил, — сказал Кирилл из-под ладоней. — Я мажор и геймер, как вы сказали? Наверное, вы правы. Я могу убить кого угодно в виртуальном мире. Тысячи, десятки тысяч виртуальных трупов. Но в реальности... я не смог. Я нажал на кнопку выхода из режима администратора, закрыл ноутбук и пошёл спать. А через несколько часов мне позвонили и сказали, что отца убили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.